

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Какой может быть российская субурбанизация?

А.С. БРЕСЛАВСКИЙ*

*Бреславский Анатолий Сергеевич – научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии, Сибирское отделение РАН. Адрес: 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6. E-mail: anabres05@mail.ru

Цитирование: Breslavsky A. (2016) Possible Modes of Suburbanization in Russia. *Mir Rossii*, vol. 25, no 1, pp. 79–102 (in Russian)

В развитии крупных городов на территории России наступил новый этап. Речь идет о массовом возникновении пригородных поселений и зарождении пригородной жизни в том ее понимании, которое уже несколько десятилетий является привычным в западном мире. При этом, несмотря на активный рост числа и разнообразия форм пригородных поселений, увеличение их населения, процессы субурбанизации в России все еще не стали предметом активных исследований среди отечественных ученых. Не стали они пока и объектом специального административного регулирования. В статье анализируется предметное поле пригородных исследований в России и за рубежом, а также одна из моделей формирования пригородов на востоке страны. Автор показывает, как расширение географии исследований за пределы развитых стран привело к нарастанию кризиса англо-американской парадигмы в изучении пригородов и пересмотру ключевых проблем и аксиом западной пригородной теории. В рамках этого тезиса он поднимает вопрос о состоянии и перспективах изучения субурбанизации в России, отмечая, что при наличии внушительных перспектив для анализа, эта сфера социальных исследований слабо привлекает отечественных ученых, что порождает значительные проблемы в организации сравнительных и обобщающих работ в этой области.

Во второй части статьи представлены результаты социологического исследования пригородов одного из крупных городов Восточной Сибири – Улан-Удэ – столицы Республики Бурятия (анкетный опрос, глубинные интервью и включенное наблюдение). Автор показывает, в частности, что главную роль в формировании пригородной зоны Улан-Удэ сыграли сельские мигранты республики, имеющие средние доходы и доходы ниже среднего уровня. В результате этого в пригородах обострились проблемы бедности и самовольного строительства, характерные для многих городов в развивающихся странах современного мира.

Ключевые слова: город, пригород, субурбанизация, городская теория, внутренняя миграция, Россия

Введение

Основной замысел настоящей статьи – привлечь внимание отечественных специалистов к изучению процессов субурбанизации в России – возник не случайно. В ходе нашей работы по изучению пригородов крупных городов Восточной Сибири в 2010–2014 гг.¹ мы столкнулись с явным кризисом отечественных исследований в этом предметном поле. В России, массово урбанизированной в советские годы, процессы субурбанизации – формирования пригородных зон в результате оттока туда части городского населения [Рыбаковский 2003, с. 292] – получили активное развитие в основном в последние 15–20 лет. Постепенно, вслед за Москвой, Санкт-Петербургом и другими городами-миллионниками, население которых в постсоветский период в основном лишь росло, в эти процессы оказались вовлечены и региональные центры – столицы республик, областей, краев и пр. По общероссийской тенденции за последние 20 лет они активно стягивали население из близлежащих сельских поселений и городов, менее ресурсных с точки зрения рынка труда, развитости экономики, образовательной и культурной инфраструктуры [Мкртчян 2009; Мкртчян 2013; Алешковский 2007]. При том что сегодня субурбанизация в регионах России принимает значительные масштабы, «обретая свое лицо», мы пока не имеем возможности проводить широкие сопоставительные, сравнительные исследования российских пригородов, поскольку региональных исследований по этой тематике практически нет. Решить эту ситуацию способны широкие эмпирические обследования в регионах и, прежде всего, в региональных столицах и городских агломерациях. Именно эмпирика даст возможность выстраивать аналитические, сопоставительные модели отечественной субурбанизации, о которых сегодня мы знаем крайне мало.

Для чего нам необходимо изучать пригороды? С академической точки зрения, своевременный сбор и анализ новых знаний о быстро меняющемся облике российских пригородов позволяют поддерживать преемственность в развитии городской истории и теории, дают возможность отделить одни модели субурбанизации от других, задуматься об общих и локальных тенденциях в развитии этого феномена в стране. С прикладной управленческой точки зрения, изучение пригородов дает возможность взглянуть на них как на объект городской экономики и планирования. Изучение пригородных территорий, которые множественными связями соединены с городом, является задачей стратегического значения. Пригороды обычно оказывают серьезное воздействие на городскую инфраструктуру, рынок труда, транспортные коммуникации и т.д. Игнорирование этих вопросов приводит к трудноразрешимым ситуациям, обострение которых лишь дело времени. Именно поэтому так важно детальное изучение различных аспектов развития пригород-

¹ См., напр. [Бреславский 2014].

ных территорий (численность, структура и занятость местного и прибывающего населения, инфраструктурное развитие поселений, структура местной экономики, особенности потребления, локальной культуры и пр.).

Чем интересны российские пригороды? Во всем мире (особенно в развивающихся странах Азии, Африки и Южной Америки) наблюдается активный рост городов за счет пригородных территорий. В разных уголках планеты это происходит по-разному, что позволяет говорить о множественности моделей субурбанизации и разнообразии форм пригородных поселений и пригородной жизни в целом. Является ли случай России чем-то глубоко специфичным, завязанным на локальной истории и культуре? Или он демонстрирует много общего с другими странами постсоциалистического мира, с современными городами в различных частях Азии, Америки, Африки и Европы? Ответы на эти сложные вопросы предполагают решение как минимум двух задач: первой – разобраться в глобальном разнообразии пригородов, второй – изучить процессы субурбанизации в России.

Глобальное разнообразие пригородов и его изучение за рубежом

Пригороды в качестве специфического социально-экономического и культурного явления уже несколько десятилетий являются предметом разнообразных исследований в англоязычном мире. Если до конца XX в. научные центры были сосредоточены преимущественно в Западной Европе и США (на «исторической родине пригородов» [Carr, Whitehand 2001; Jackson 1985]), то сегодня проблемы субурбанизации стали активно изучаться во всем мире: география сети специалистов и самих исследований активно расширяется [Scheer, Stanilov 2005; Clapson, Hutchison 2010; Phelps, Wu 2011; Dines, Vermeulen 2013; Keil 2013]. Количество работ, учитываемых в системе Web of Science, в названиях (или аннотациях) которых присутствует слово «пригород», в последние три десятилетия лишь росло: в конце 1970–1980-х гг. в год выходило около 100 работ, в 1990-х гг. – 240, и в течение 2000-х гг. ежегодно – 380 [Harris 2010, p. 16].

Наиболее длительные традиции в изучении пригородов сложились в Великобритании и США. Знакомство со ставшими классическими трудами английских и американских авторов позволяет понять, какую роль пригороды сыграли в городской истории европейских стран, а также (и в особенности) Соединенных Штатов Америки [Jackson 1985; Fishman 1987; Hayden 2004]. Следует уточнить, что именно американские пригороды стали объектом наибольшего количества исследований в этой области: в период с 1975 по 2009 гг. в системе Web of Science 67% научных статей о пригородах касались именно США [Harris 2010, p. 17]. И это неудивительно, поскольку масштабы субурбанизации в этой стране в XX в. превысили все мировые рекорды, сделав Америку «страной пригородов» – государством, в котором они стали не только значимым символом национальной культуры, но и основным местом жительства граждан [Jackson 1985, p. 4]. Американские пригороды, долгое время считавшиеся олицетворением «американской мечты» о собственном доме с лужайкой и автомобилем, обителью «белого» «среднего

класса», постепенно изменились вместе со всем американским обществом. Сегодня в число наиболее актуальных тем исследований пригородной жизни в США наряду с задачами государственного регулирования, демографии, архитектуры вошли вопросы бедности и преступности, расовые и межконфессиональные проблемы [Duany, Plater-Zyberk, Speck 2000; Orfield 2002; Hanlon, Short, Vicino 2009]. Исследователи говорят о кардинально новом этапе в урбанизации и субурбанизации в США [De Jong 2013], окончании периода «классической» субурбанизации, теряющей популярность в современном американском обществе [Gallagher 2014]. Необходимо напомнить, что пригороды США оставили за собой первенство в количестве научных исследований, посвященных проблемам их развития, оставляя позади страны Западной Европы, Канаду, Новую Зеландию, Австралию и все развивающиеся страны глобального Юга.

Одновременно с этим в мировом научном сообществе нарастает понимание того, что изучение пригородов в разных уголках мира невозможно с опорой лишь на англо-американский пример, и, тем не менее, эта парадигма все же продолжает доминировать в современных городских исследованиях [Clapson, Hutchison 2010, pp. 1–14]. Это главенствование проявляется, например, в том, что до сих пор внеамериканский опыт субурбанизации рассматривается, интерпретируется учеными как своего рода «отклонение» от американской «идеальной» модели развития пригородов.

Вплоть до последнего времени (конца 2000-х гг.) в зарубежной урбанистике, богатой на обобщающие, обзорные, сравнительные исследования, проблемы пригородов развивающихся стран были не столь актуальны и часто игнорировались. В большинстве крупных обзоров городских исследований тематика пригородов до сих пор звучит по-прежнему менее явно, чем собственно городская проблематика [Parnell, Oldfield 2014]. Вполне резонным в этой связи кажется вопрос канадца Ричарда Харриса о том, «что мы можем узнать об опыте современной субурбанизации в Африке, Азии [...] из исследований, которые в значительной степени опирались на англо-американский контекст? Должны ли мы искать новую парадигму для понимания субурбанизации в начале двадцать первого века? Должны ли мы обратиться к новым направлениям пригородных исследований за пределами англо-американского опыта?» [Harris, Lewis 1998, pp. 622–639]. Утвердительный ответ на этот вопрос опирается на расширяющуюся географию *suburban studies*, вскрывающих разнообразие форм пригородной жизни и условий их возникновения вне англо-американского мира (и шире – глобального Севера).

Одним из первых ученых, заявивших о необходимости более активного изучения городов глобального Юга, стала также Дженни Робинсон, работы которой призвали к более широкому освещению опыта городского развития в странах Южной Америки, Азии и Африки [Robinson 2002; Robinson 2005]. Именно в этих странах сегодня наиболее активно происходит рост населения (мира) и разворачиваются процессы урбанизации и субурбанизации. Подобные побудительные заявления западных урбанистов способствовали в итоге более интенсивной международной интеграции исследователей пригородов и расширению области их исследований в развивающихся странах в последние 10–15 лет (см, напр.: [Keil 2013; Stanilov, Sykora 2014]).

Исторические исследования и изучение современности стран глобального Юга позволили переосмыслить некоторые «догмы» англо-американской модели: убеждение, что формирование пригородов основано на личном выборе (в то время как часто они формируются вследствие вынужденного переселения: из-за войн, голода и т.п.), что источником их развития выступает городское сообщество (при том, что во многих странах пригороды формировались и формируются сегодня в результате сельско-городской миграции), наконец, то, что многие скваттерские (самовольные) поселения (*squatter settlements*) не могут получить привлекательный облик и привлечь средний класс и бизнес (обратное демонстрирует, например, Латинская Америка).

С точки зрения содержания проводимых исследований отметим, что в большинстве известных нам работ о пригородах в развивающихся странах на первый план выходят две проблемы, а именно бедности и скваттерских (самовольных) поселений [*Huchzermeyer 2004; Davis 2006; Neuwirth 2006; Tsenkova, Potsiou, Badina 2009*]. И здесь важно отметить, что в англо-американской традиции изучения пригородов существует устойчивое разделение собственно пригородов (*suburbs*) и скваттерских поселений, которые в исследованиях де-факто не считаются пригородами. Кроме того, подразумевается, что первый тип периферийного процесса характерен для городов развитых стран, а второй – для развивающихся государств².

В контексте российских исследований субурбанизации эти тезисы крайне актуальны, хотя и должны быть приняты с определенными оговорками, связанными не только с российской спецификой и особенностями регионального разнообразия страны, но и со всем постсоветским пространством в целом. Изучение пригородов, выполненное в странах бывшего социалистического лагеря, выявляет во многом сходные тенденции в городском развитии этих государств (см., напр. [*Stanilov, Hirt 2009*]): так, как минимум с середины 1990-х гг. процессы субурбанизации стали определяющим фактором в развитии многих постсоциалистических городов Центральной и Восточной Европы. Недавние исследования выявили, что города Эстонии, Хорватии, Латвии, Словакии, Польши, Венгрии и Болгарии по темпам субурбанизации превзошли города Западной Европы [*Stanilov, Hirt 2009*, р. 87], что позволило ученым назвать эти процессы «постсоциалистической пригородной революцией» [*Stanilov, Sykora 2014*, р. 6]. Этот взрыв не в последнюю очередь оказался связан с децентрализацией этих городов, ослаблением государственного контроля над городским развитием в посткоммунистических государствах, что было особенно характерно для стран бывшего СССР. Масштабное развитие частного сектора в 1990–2000-е гг. вокруг относительно компактных центральных городских областей явилось следствием длительного и непрекращающегося кризиса в жилищном строительстве в условиях ускоренной социалистической урбанизации. Приватизация, развитие института частной собственности, массовая автомобилизация сняли последние барьеры в развитии пригородных зон этих городов. Однако если большая часть восточноевропейских государств и страны Балтии достаточно быстро взяли под контроль процессы субурбанизации (в конце 1990-х –

² У такой точки зрения уже появились свои оппоненты [*Harris 2010*, pp. 21–22].

середине 2000-х гг.), то во многих постсоветских странах Центральной Азии, а также в России процессы городской и пригородной застройки буквально до последних лет развивались подчас стихийно, в логике рыночных отношений, не всегда положительно влияющих на эти территории.

Отметим, что современную Россию с большинством стран СНГ объединяет массовое переселение сельских жителей в крупные и средние города, развитие частного сектора на городской периферии после многих лет государственных ограничений. Пожалуй, именно характер миграции и отличает постсоветские города от западных, для которых в последние десятилетия было характерно преобладание внешней, а не внутренней миграции. В отношении новых независимых государств, образовавшихся после распада СССР, интересным кажется замечание Н.П. Космарской, которая отмечает, что жизнь городов на пространстве бывшего СССР развивалась под воздействием двух важнейших факторов, нетипичных для городов Запада. Речь идет о не имеющих аналога на Западе мощных трансформациях «бытия» и «сознания», вызванных распадом СССР, и значительном воздействии на эти города внутренней миграции – миграции относительно близких по культуре сограждан, а не внешней, ставшей вызовом для Запада с послевоенных времен [Космарская 2010, с. 76]. Эти тезисы, связанные с массовыми миграциями сельских жителей в крупные города, находят отражение в исследованиях, касающихся, допустим, Кыргызстана (и развития пригородов Бишкека), Казахстана (Астана), Республики Беларусь (Минск), Монголии (Улан-Батор) и других стран бывшего социалистического блока [Батбаяр, Галиймаа 2010, с. 223–231; Петракова 2010, с. 246–270; Алексеенко 2011; Миграция в современном Кыргызстане 2011].

Отдельно выделим китайские исследования пригородных поселений. Это обязывает сделать не только географическая и политическая близость этого государства с Россией, но и то обстоятельство, что сегодня именно Китай входит в число стран, в которых пригородные исследования за последние 2–3 десятилетия получили наибольшее развитие. Процессы субурбанизации, как отмечают китайские ученые, берут начало в 1980-х гг. [Feng, Zhou 2005]. Все это время они развивались в условиях государственного регулирования внутренней миграции и перенаселенности сельских территорий, кризиса в сфере жилья и ограниченных возможностей при трудоустройстве. Современные китайские пригороды получили специфичные формы, помимо всего прочего, и в силу того, что они, как правило, имеют многофункциональный характер, сочетая в себе промышленные, торговые и жилые площади, государственное и частное жилье [Zhou, Ma 2000; Bray 2005; Huang 2005; Feng, Zhou, Wu 2008; Wu, Xu, Yeh 2007; Li, Wu 2008; Zhou, Logan 2008; Fleischer 2010].

Существенные сходства в современных процессах субурбанизации в странах СНГ и шире – бывшего социалистического блока – позволяют нам говорить о некоторых основных типах пригородного развития в этих государствах. Наиболее удачная типология, на наш взгляд, была представлена в уже упоминавшийся ранее работе Кирилла Станилова и Сони Херт [Stanilov, Hirt 2009, pp. 89–91]:

- первый тип, о котором мы уже упоминали выше, рассматривая более широкий опыт глобального Юга, связан с развитием скваттерских поселений. Сегодня они наиболее распространены в Центральной Азии, на Кавказе и в некоторых балканских странах;

- второй тип пригородного развития – рост существующих деревень и городов в столичной периферии. Этот тип подразделяется на два возможных направления. Первое связано с развитием поселений-спутников в рамках столичной агломерации силами бедного класса и рабочими, стремящимися найти более дешевое жилье недалеко от города. Второе направление в рамках этого типа развития относится к формированию пригородных поселений богатыми домохозяйствами и средним классом, включая строительство парков, развлекательных и торговых объектов;

- третий тип пригородного развития – трансформация бывших дач в добротные жилые пригороды. Построенные в советское время и имевшие характер сезонного жилья в постсоветский период, они были массово перестроены под жилые нужды во всех странах СНГ;

- четвертый тип пригородного развития – строительство проектируемых крупномасштабных пригородных поселений с использованием иностранных инвестиций;

- пятый тип включает в себя развитие не жилой пригородной инфраструктуры: строительство в пригородах торговых и офисных центров, складских и промышленных строений на основных транспортных узлах и коридорах городской периферии.

Расширяющаяся география пригородных исследований позволяет говорить о многообразии форм пригородов, условий их возникновения и развития. Одновременно она дает возможность установить и определенные универсальные черты тех или иных пригородных поселений, развивающихся в разных условиях – национальных культурах и экономиках. Интерес в этой связи представляет еще одна типологизация пригородных поселений, предложенная Ричардом Харрисом и выстроенная им с точки зрения мотивов и действий жителей этих районов, что делает ее достаточно универсальной. Канадский ученый подразделяет пригородных переселенцев на тех, для кого этот выбор был свободным, и на тех, для кого он стал вынужденным, а также на тех, кто едет в пригород из города, и на тех, кто движется в город из внегородских территорий. Свободный выбор совершают те, кто самостоятельно решает перебраться в пригород, имея для этого, в частности, финансовые возможности и осознанное стремление к пригородному образу жизни. К числу вынужденных переселенцев относятся беженцы, а также люди, которые в силу ряда причин, например, финансовых, не могут позволить себе жить в городе, хотя хотели бы [Harris 2010, p. 33].

Как знание о глобальном разнообразии пригородов может помочь в изучении российских пригородов? Ответ достаточно прост: оно дает понимание того, что Россия по многим характеристикам встраивается, как минимум, в более широкую колею развития городов на всем постсоциалистическом пространстве, и это может быть использовано при анализе процессов субурбанизации в нашей стране. Многие проблемы, связанные с современным развитием пригородных зон крупных российских городов (бедность, самовольное строительство, проблемы застройки и инфраструктуры, эстетически неприглядный облик, длительная отстраненность городских и местных властей от процессов планирования и строительства), хорошо задокументированы исследователями во многих развивающихся странах.

Получается ли, что пригороды России развиваются по схожему для этих государств сценарию? Надо согласиться с этим утверждением, но полностью признать его было бы неправильно, поскольку процессы субурбанизации в современной России оказались достаточно специфичны: на это повлияли и опыт урбанизации страны в советский период, и множественные метаморфозы переходного периода, и особенности внутренней и внешней миграции, и климат, и т.п. Изучение этих территориальных особенностей (шире – моделей) субурбанизации – одна из значимых задач современной отечественной урбанистики, и важно на этом пути продолжить исследовать не только крупные столичные города (Москву, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Новосибирск и т.д.), но и города на периферии, также вовлеченные в процессы субурбанизации. Используя уже разработанные типологии пригородного развития, основные векторы анализа (модели субурбанизации, ее движущие силы, последствия и результаты, задачи управления субурбанизацией и пр.), можно более активно включиться в современные академические дискуссии в области пригородных исследований, тем более сегодня они только складываются. Как же обстоит дело с изучением пригородов в современной России?

Изучение пригородов в России

Сразу отметим, в российской социально-гуманитарной науке пригороды не стали предметом широких исследований, несмотря на активное развитие процессов субурбанизации в последние два десятилетия. Слабо осмыслено само предметное поле, ощущается недостаток конкретных исследований и, соответственно, обобщающих работ, не отточены методологические подходы и методики проведения полевых исследований. И это понятно, поскольку отечественная социология и экономика города крайне медленно выходят из своего дисциплинарного кризиса. В вышедшем 16 лет назад и достаточно знаковым сборнике «Российское городское пространство: попытка осмысления» В.В. Вагин отмечает: «Городская социология остается падчерицей отечественной социологии. Поэтому выход всякой новой книги по социологии города – это событие» [Вагин 2000, с. 8]. Одним из таких событий стало, в частности, издание книги известного урбаниста Е.Г. Трубиной «Город в теории: опыты осмысления пространства» [Трубина 2011], в которой она представила широчайший спектр зарубежных исследований города. Значимость этой работы заключается в том, что до сих пор российские ученые, интересующиеся проблемами городского развития, тотально обращаются к западной литературе, не имея опоры в лице отечественных предшественников. А как же тогда обстоит дело с изучением пригородов?

Приходится констатировать, что ситуация в этом предметном поле ненамного лучше. Отечественных работ по изучению современных российских пригородов крайне мало, как и специалистов, последовательно занимающихся разработкой этой темы. Это подтвердил и наш анализ баз данных журнальных статей и монографий в системах РИНЦ, Web of Science и Scopus (на октябрь 2015 г.), в ходе которого мы не обнаружили значительного количества публикаций, в названиях

и аннотациях к которым упоминались бы слова «пригород» и «субурбанизация» (в поисковых запросах отмечались только социальные и гуманитарные науки).

Среди известных работ следует выделить монографию иркутского демографа К.В. Григоричева «В тени большого города: социальное пространство пригорода», в которой он рассматривает современные реалии пригородных поселений Иркутска [Григоричев 2013]. Опираясь на собственное полевое исследование и материалы статистики, автор анализирует специфику формирования пригородных поселений, взаимодействия переселенцев из города, трансграничных мигрантов и коренного населения, складывание новой экономки и властной сферы через призму концепта транслокальности. Данная работа к настоящему моменту является, пожалуй, единственным монографическим исследованием пригородов современной России, примером многоаспектного обследования пригородных поселений и пригородной жизни.

Среди социологических работ, напрямую затрагивающих проблемы субурбанизации в России, отметим коллективное исследование О.В. Петри, К.Э. Аксенова и С.А. Крутикова, посвященное пригородам Санкт-Петербурга [Петри, Аксенова, Крутикова 2012, с. 86–98], в котором ими проанализированы различные мотивы формирования закрытых жилых пространств внутри города и в пригороде. Изучение закрытого пригородного жилья, которое Соня Херт назвала «новым железным занавесом» [Hirt 2012], особенно актуально для постсоциалистических городов. Более обширно процессы субурбанизации в Ленинградской области изучены З.А. Михеевой, которая в своем диссертационном исследовании рассматривает основные сегменты пригородной зоны области и Санкт-Петербурга, а также выявляет потенциал субурбанизации региона с точки зрения задач жилищной политики [Михеева 2012]. Чуть более широко, по вполне понятным причинам, изучено современное развитие московской агломерации, в том числе за счет процессов субурбанизации [Симагин 1997; Бабурин, Битюкова, Казьмин, Махрова 2003; Golubchikov, Phelps, Makhrova 2013, pp. 177–192]. Надо сказать, что именно Москва обычно попадает в зарубежные сборники научных исследований субурбанизации. Тем важнее, когда появляются работы, дающие представление об общероссийских тенденциях, как, например, статья В.И. Звягинцева и М.А. Неуважаевой, посвященная феномену «обратной миграции» в современной России, позволяющая оценить потенциал субурбанизации в стране [Звягинцев, Неуважаева 2015].

Схожую с социологами активность в изучении пригородов отечественных городов проявили историки. Помимо работ о древних пригородах (городищах), которыми занимаются археологи, исследователям современности будут интересны работы, раскрывающие картину пригородной жизни в России в средние века и позднее. В этой связи мы можем выделить труды по экономической истории А.В. Белова, посвященные пригородам Москвы во второй половине XIX в. – начале XX в. (см., напр. [Белов 2005]), работы Д.С. Дегтярева по пригородным поселениям дореволюционного Томска [Дегтярев 2012]. Исторические исследования пригородов российских городов крайне важны для нас по понятным причинам: без знания исторических форм пригородных поселений, понимания исторического контекста, в котором они возникали и изменялись, невозможно корректно ставить и решать задачи в современных обследованиях.

Отечественных экономистов, как показал наш анализ, в пригородах интересуют преимущественно проблемы рынка жилья и недвижимости, а также вопросы расселения населения в качестве трудового ресурса [Шибеева 2008; Нефедова 2009; Медведева 2011; Муравьев, Позмогова 2012]. В то же время многие другие значимые темы (бедность, трудовая миграция, экономика пригородных домохозяйств и пр.) по-прежнему остаются без сколько-нибудь пристального внимания. Однако появляются также работы, представляющие более широкую картину экономики пригорода и ее связи с экономикой города [Цибульский, Мухамедшина 2008; Браде 2013].

Отдельно выделим исследования российских дач, поскольку именно их массовое преобразование в капитальные жилые сооружения стало значимым направлением субурбанизации на всем постсоветском пространстве и в России в частности. Кроме того, дачи в России продолжают выполнять и свою изначальную функцию второго жилья горожанина, предназначенного для отдыха и любительского земледелия [Щепеткова 2013]. Отметим также, что среди прочих направлений пригородного развития городов на постсоветском пространстве, о которых говорилось выше, именно дачная субурбанизация привлекла наибольшее внимание исследователей, в то время как, например, скваттерские (самовольные) поселения, распространенные в некоторых городах страны, пригородные села и поселки пока еще остаются без своего исследователя. Среди современных исследований российских дач выделим работы Н.Г. Нефедовой, содержащие значимые классификации типов дачного жилья, исторические формы дач, характер их использования в современной России, обзор исследований дач в советское время и в современный период [Нефедова 2001; Нефедова 2008; Нефедова 2011; Нефедова 2012]. Она показывает, в частности, что дачи сегодня могут отражать процессы субурбанизации, служить местом отдыха, рассматриваться в качестве объекта инвестиций в недвижимость или средства агропродовольственного самообеспечения горожан. Анализируя особенности российской субурбанизации, Т.Г. Нефедова выделяет шесть типов дач столичных городов России, возникших в досоветский, советский и постсоветский период: классические старые дачи, служебные государственные дачи, садовые товарищества, дома в деревнях (купленные или унаследованные), отдельные виллы и коттеджные поселки [Нефедова, Савчук 2014].

Следует подчеркнуть, что российские дачи стали предметом нескольких монографических исследований [Малинова-Тзиафета 2013], в том числе выполненных зарубежными авторами [Ловелл 2008; Caldwell 2011]. Вместе с тем, как недавно отметил географ А.И. Трейвиш, наше «дачеведение» до сих пор неадекватно масштабам дачевладения в стране, которая может считаться рекордсменом в мире по числу этого вида второго жилья [Трейвиш 2014, с. 24].

Анализ публикаций, касающихся субурбанизации в современной России, приводит к следующим выводам. Начнем с того, что эти публикации не столь многочисленны, как и специалисты, последовательно изучающие обозначенную проблематику. И это при том, что в России обозначенные процессы активно развиваются и видоизменяются уже как минимум второе десятилетие. Следует также отметить, что основной блок публикаций приходится на изучение двух крупных городских агломераций – московской и Санкт-Петербургской, в то время как многие города на

периферии, в том числе города-миллионники, остаются без серьезного внимания со стороны ученых.

С содержательной точки зрения по имеющимся единичным работам сложно судить и о том, какого рода проблемы выходят на первый план в современных российских исследованиях пригородов. Предметное и дисциплинарное поле пока лишь складывается. Узкая география исследований не позволяет проводить сравнительные и сопоставительные исследования субурбанизации на основе данных из разных регионов России. Заманчивые попытки сопоставить развитие пригородов отечественных городов с пригородами в других странах также кажутся пока преждевременными. Наша общая задача в этой связи заключается не только в том, чтобы расширить географию исследований, но и начать на этой основе глубинную методологическую дискуссию о проблемах изучения пригородов в современной России. Очевидно, что это заставит задуматься и о более широких темах – развитии сельской и городской России, состоянии и перспективах внутренней миграции, урбанизации и т.п., что также немаловажно.

Пригороды Улан-Удэ: типы развития, источники освоения, инфраструктура поселений

В этом разделе, формирующем вторую часть статьи, будут представлены основные результаты полевых исследований пригородной зоны одного из крупных городов Восточной Сибири – Улан-Удэ³, которые проводились автором в 2010–2014 гг. Итоги этой работы будут даны без количественных уточнений⁴.

Город Улан-Удэ – типичный по своей морфологии, логике, приоритетам и масштабам застройки продукт советской (социалистической) урбанизации. Во времена СССР в результате ускоренной урбанизации и индустриализации он превратился в главный и, по сути, единственный крупный город Республики Бурятия. При этом другие крупные городские поселения Бурятии оказались удалены друг от друга настолько, что в постсоветский период между ними и Улан-Удэ не возникли какие-либо агломеративные связи. В результате развернувшиеся в последние два десятилетия процессы субурбанизации и продолжающейся урбанизации охватили в республике в основном лишь город Улан-Удэ.

К завершению советского периода территория города включала следующие значимые сегменты, характерные для большинства отечественных городов, развивавшихся в логике социалистического строительства:

- центральная часть (нынешний центр города – площадь Советов);
- промышленные зоны, возникшие в разных географических точках Улан-Удэ в 1930–1950-е гг. и определившие развитие города в советский период (паровозовагоноремонтный завод, стекольный завод, авиазавод, мелькомбинат, мясокомбинат и др.);

³ Столица Республики Бурятия, основан в 1666 г., численность населения: 426–650 чел. (на 01.01.2015).

⁴ Эти данные опубликованы [Бреславский 2014].

- поселения – заводские спутники – рабочие поселки, возникшие при крупных заводах и предприятиях со смешанной застройкой (много- и малоэтажные, в том числе одноэтажные многоквартирные и отдельные дома);
- спальные районы – микрорайоны многоэтажного жилого строительства с комплексом социально-бытовой инфраструктуры;
- слабоурбанизированные поселки – поселения, входящие в состав города, застроенные одноэтажными индивидуальными домами усадебного типа, в том числе частично самовольно;
- садово-дачные товарищества и кооперативы, массово возникшие в городе и его пригородной зоне с начала 1960-х гг.

Постсоветский период привнес в территориальное и жилищное развитие Улан-Удэ и его пригородов множество значимых изменений, схожих с теми, что произошли в большинстве постсоциалистических городов, за исключением, пожалуй, влияния глобальных инвестиций, на которые город, находящийся вдали от крупных экономических проектов, сегодня не рассчитывает.

Когда после легализации права частной собственности в 1990-е гг. была разрешена приватизация земли и расширены права в использовании недвижимого имущества, люди получили большие возможности в выборе места жительства, покупке жилья и земли. Постепенно в Улан-Удэ, как и во всей стране, начал складываться городской рынок земли и недвижимости, а перманентный кризис в области жилья, сохранявшийся в течение всего советского периода, обернулся взрывом частного строительства на городской периферии в 1990–2000-е гг.

С другой стороны, как и во многих постсоциалистических городах, в Улан-Удэ в связи с отказом от централизованного управления и реформой местного самоуправления отношения в области городской недвижимости и земли оказались крайне либерализованы. Переходный период был отмечен существенной децентрализацией политической власти, начиная с государственного и заканчивая муниципальным уровнем управления городом. В Улан-Удэ небывалые масштабы приобрело одноэтажное деревянное жилое строительство, в том числе и самовольное, достигшее таких значительных размеров, что это спровоцировало в середине 2000-х гг., волну общественных и политических дебатов («борьбу с самоволками»). Масштабы улан-удэнских скваттерских поселений превзошли размах этого явления в европейской части страны. Этому «поспособствовала» применявшаяся долгое время практика легализации самовольного строительства уже после его завершения без серьезного административного наказания, а также так называемый «Закон о дачной амнистии» (№ 93-ФЗ).

Второе направление территориального и жилищного развития городских и пригородных территорий Улан-Удэ в постсоветский период, объединяющее его с другими постсоциалистическими городами, – это массовое переобустройство советских дач, не приспособленных к круглогодичному проживанию, в капитальные жилые сооружения с надворными постройками (прежде всего баней и гаражом).

Третья тенденция – это рост числа микрорайонов коттеджей и таунхаусов, в том числе застраиваемых организованно и массово, с участием крупных строительных организаций. Это направление, вместе с промышленным освоением при-

городов, строительством в пригородах бизнес-центров, торговых зон, только начинает развиваться в Улан-Удэ, и перспективы его не ясны.

Наконец, четвертое направление, уже более конкретно связанное с процессами формирования пригородов, не входящих в черту города, – активный рост (разрастание) поселков и деревень в пригородной зоне столицы республики (в Иволгинском, Заиграевском и Тарбагатайском районах Бурятии). Все они в советский период являлись пригородами исключительно географически (располагаясь на физических границах городского округа), имели главным образом сельскохозяйственное назначение, а местное население работало преимущественно на местных предприятиях. Таким образом, пригородное положение этих поселений еще не сильно влияло на трудовые практики и образ жизни местного населения.

Начиная с 1990-х гг., а в особенности в 2000-е гг., ситуацию меняет рост миграционной привлекательности этих территорий, в результате которого происходит существенное обновление местных сообществ, а также выстраивается их социальная (связанная, прежде всего, с профессиональной занятостью) ориентация на город, что позволяет говорить о рассматриваемых поселениях как о «пригородных» уже не только в географическом, но и в социально-экономическом смысле.

Основным источником развития пригородной зоны Улан-Удэ, которая существенным образом расширилась в 1990–2000-е гг., стала миграция населения из сельских районов республики. В отличие от некоторых других крупных городов Сибири и Дальнего Востока (например, Новосибирска, Красноярска, Владивостока), Улан-Удэ слабо привлекает сибирских и дальневосточных мигрантов. Анкетный опрос, в котором приняли участие 444 респондента из 3 пригородных поселений Улан-Удэ, показал, что в среде мигрантов постсоветской волны, осевших в пригородах Улан-Удэ, входящих в состав городского округа, выделяются две группы: выходцы из сельской Бурятии, перебравшиеся к городу в 1990–2000-е гг. (92,34% опрошенных родились в сельских поселениях республики), и сами горожане (5,4%). В количественном отношении в рассмотренных случаях доминировали сельские мигранты среднего возраста с доходами среднего и ниже среднего уровня. Это, видимо, отличает Улан-Удэ от многих городов европейской части страны, в которых пригороды в постсоветский период разрастались главным образом за счет субурбанизации, хотя эта гипотеза требует дополнительных уточнений. Строго говоря, процессы формирования современных пригородов Улан-Удэ терминологически было бы неверно рассматривать как субурбанизацию, поскольку последняя в классическом варианте основана на переезде в пригороды горожан, а не (сельских) мигрантов извне. То, что было зарегистрировано в нашем исследовании, скорее, констатирует продолжение центростремительных миграционных процессов в регионе, массовость которых пока превосходит процессы субурбанизации.

В отличие от многих современных западноевропейских городов и некоторых российских, пригороды Улан-Удэ в изучаемый период не привлекали иностранных трудовых мигрантов. В ходе исследования не были обнаружены какие-либо существенные тенденции к образованию здесь кварталов, заселенных представителями иностранных диаспор, которые активно начали расти в городе с начала 2000-х гг.

С точки зрения формирующего архитектурного ландшафта застройки ситуация по всем поселениям пригородной зоны, не входящим в городской округ,

в общем одинакова: большинство из жилищных новостроек (в том числе дворцовые постройки) выполнены из дерева, сохраняют утилитарный «деревенский» стиль без каких-либо архитектурных изысков. Вместе с тем новые дома, которые активно строят мигранты, в подавляющем большинстве случаев не являются временным жильем, построены они основательно, обеспечивают уровень комфорта, сопоставимый с жильем в сельской местности.

Несмотря на то, что рассматриваемые пригородные поселения в последние 10–15 лет стали пригородными уже не только в географическом, но и в социально-экономическом смысле (более глубоко обозначилась их связь с городом, увеличились их площадь и население), сегодня они в целом сохранили вид достаточно типичных слабоурбанизированных сельских поселений: здесь недостаточно развита социально-бытовая инфраструктура; внутриселковские дороги требуют серьезного ремонта; в поселениях по-прежнему не решены многие хронические проблемы водоснабжения и т.п.; и при растущем количестве частного автотранспорта пригороды сохраняют высокую зависимость от общественных пассажирских перевозок.

Зарубежные исторические и географические исследования пригородов дают нам основания утверждать, что развитие пригородной зоны Улан-Удэ имеет много общего с мировой практикой. Значительное количество сельских мигрантов в итоге селится на окраинах, как это происходило в фавелах и скваттерских поселениях Латинской Америки в 1960-х и 1970-х гг. [Mangin 1967; Rogler 1967; Losada 1998], в пригородных окраинах современных африканских городов [Simon 2004; Simon 2008], в мигрантских анклавах пригородных деревень в Китае и Юго-Восточной Азии [Browder 1995; Ginsberg 1991; Wu 2005, pp. 222–242; Wu 2006, pp. 745–765]. Не надо забывать, что массовая сельско-городская миграция и связанное с ней самовольное строительство были знакомы и городам Европы и Северной Америки XIX в. [Neuwirth 2005, pp. 177–204]. В то же время современные исследования показывают, как после замедления темпов сельско-городской миграции изменились многие латиноамериканские скваттерские поселения, превратившиеся в районы элитного жилья для среднего класса [Caldeira 2000; Ford 1996, pp. 437–440; Janoschka 2006, pp. 92–108]. Схожие трансформации происходят в других частях мира: в странах Южной Африки [Jurgens 2006, pp. 109–126; Murray 2008], в Индии [Benjamin 2008, pp. 239–285; Sridhar 2007, pp. 314–344], на юге Европы [Leontidou 2007, pp. 71–101], Ближнем Востоке [Dennis 2008, pp. 1085–1115].

Пригородные поселения Улан-Удэ возникли по распространенной во всем мире схеме. Все начиналось с разработки отдельных участков на границах городского округа, вблизи пригородных деревень, которые постепенно, по мере увеличения частного автотранспорта, стали расширяться, достигнув современных размеров. Их физическое развитие (застройка) происходило в последние 5–10 лет и, скорее всего, продолжится в активном режиме еще какое-то время. Сегодня сложно судить о том, насколько массовое строительство последних лет решило проблему «земельного голода» и сколько еще семей готовы будут в ближайшем будущем отправиться на освоение улан-удэнских пригородов. Это покажет будущее этих территорий, в котором сегодня больше важных вопросов, нежели простых ответов.

Какой может быть российская субурбанизация? Ситуация в Улан-Удэ дает нам представление лишь об одной из возможных моделей развития этого процесса. Как и в каких направлениях развиваются пригороды других крупных городов нашей страны? Какие ключевые факторы, помимо децентрализации управления, исторического наследия, внутренней и внешней миграции, влияли на их развитие после распада Советского Союза? С какими последствиями и результатами роста пригородных зон мы сегодня имеем дело? Удалось ли сформировать эффективную практику управления пригородным развитием в наших городах? Что общего и отличного в развитии пригородов крупных городов в европейской части России, в Сибири и на Дальнем Востоке? Как на развитие пригородов в разных уголках страны влияют исторические, климатические, культурные и прочие явления и факторы? На какие из этих вопросов мы сегодня можем ответить, учитывая, что рост пригородов становится все более заметным явлением в современной истории наших городов?

Отсутствие системных региональных исследований в данном предметном поле значительно ограничивает наши возможности. В то же время современные международные исследовательские проекты, связанные с изучением глобального разнообразия пригородов, в том числе в постсоциалистических городах, лишь усиливают спрос на «российское поле», представляя к тому же множество полезных инструментов для понимания того, что происходит с пригородами российских городов. В этой ситуации именно отечественные исследователи в регионах способны заполнить «черные пятна» на карте пригородного развития современной России, сделав ее понятной как для нас самих, так и для зарубежных коллег.

Литература

- Алексеев А.Н. (2011) Внутренние миграции в Казахстане и формирование «нового» городского пространства // Дятлов В.И. (ред.) Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Оттиск.
- Алешковский И.А. (2007) Внутренняя миграция в современной России: тенденции, детерминанты, политика. М.: ТЕИС.
- Бабурин В.Л., Битюкова В.Р., Казьмин М.А., Махрова А.Г. (2003) Московский столичный регион на рубеже веков: новейшая история и пути развития. Смоленск: Ойкумена.
- Батбаяр Т., Галиймаа Н. (2010) Внутренняя миграция: нынешнее положение и возникшие проблемы (на примере Улан-Батора 1990–2008 гг.) // Базаров Б.В. (ред.) Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике. Иркутск: Оттиск. С. 223–231.
- Белов А.В. (2005) Москва, московские пригороды, пригородные поселения во второй половине XIX – начале XX века: город и процессы урбанизации сельских окраин. Москва: Папирус Про.
- Браде И., Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Тревиш А.И. (2013) Особенности субурбанизации в московской агломерации в постсоветский период // Известия РАН. Серия «География». № 2. С. 19–29.

- Бреславский А.С. (2014) Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.
- Вагин В.В. (2000) Российские города: новые подходы к изучению. Вместо предисловия // Вагин В.В. (ред.) Российское городское пространство: попытка осмысления. Серия «Научные доклады». Вып. 116. М.: МОНФ.
- Григоричев К.В. (2013) В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: Оттиск.
- Дегтярев Д.С. (2012) Основные объекты пригородной зоны Томска во второй половине XIX – начале XX вв., их типы и функции // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». № 1. С. 100–107.
- Звягинцев В.И., Неуважаева М.А. (2015) Переселенцы из города в сельскую местность: феномен «обратной миграции» в современной России // Мир России. Т. 24. № 1. С. 101–135.
- Космарская Н.П. (2010) Исследования города // Антропологический форум. № 12. С. 74–85.
- Ловелл С. (2008) Дачники: История летнего жилья в России: 1710–2000. СПб.: Академический проект; ДНК.
- Малинова-Тзиафета О. (2013) Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Медведева Л.Н. (2011) Пригородная зона как одна из форм социально-экономического и территориального расселения горожан: актуальность и значение // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 150. № 3. С. 139–148.
- Миграция в современном Кыргызстане (2011) // Демоскоп Weekly. № 481–482 // http://demoscope.ru/weekly/2011/0481/s_map.php#1
- Михеева З.А. (2012) Субурбанизация как инструмент решения жилищной проблемы Санкт-Петербурга и Ленинградской области: дис... к.г.н.: 25.00.24. СПб: СПбГУ.
- Мкртчян Н.В. (2009) Внутренняя миграция: великое прошлое и скромное будущее // Россия перед лицом демографических вызовов. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации-2008. М.: UNDP. С. 80–96.
- Мкртчян Н.В. (2013) Внутренняя миграция в России // Зайончковская Ж.А. (ред.) Миграция в России 2000–2012. Хрестоматия в 3 томах. Т. 1: Миграционные процессы и актуальные вопросы миграции. М.: Спецкнига. С. 589–601.
- Муравьев А.А., Позмогова С.Б. (2012) Перспективы развития города Ульяновска в процессе перехода от урбанизации к субурбанизации // Вестник Ульяновского государственного технического университета. № 3 (59). С. 56–59.
- Нефедова Н.Г. (2001) Российские пригороды. Горожане в сельской местности // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен (Памяти Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского). М.: ОГИ. С. 374–399.
- Нефедова Н.Г. (2008) Российская глубинка глазами ее обитателей // Покровский Н.Е. (ред.) Угорский проект: экология и люди Ближнего Севера. М.: Сообщество профессиональных социологов. С. 98–120.
- Нефедова Т.Г. (2009) Поляризация пространства России: ареалы роста и «черные дыры» // Экономическая наука современной России. № 1. С. 62–77.
- Нефедова Н.Г. (2011) Российские дачи как социальный феномен // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. № 15. С. 161–173.
- Нефедова Н.Г. (2012) Горожане и дачи // Отечественные записки. № 3. С. 204–216.
- Нефедова Т.Г., Савчук И.Г. (2014) Второе загородное жилье горожан в России и Украине: эволюция дач и тренды их современных изменений // Известия РАН. Серия «География». № 4. С. 39–47.
- Петракова Ю.Н. (2010) Миграция в Беларуси // Палади Г.А., Шахотько Л.П., Гагауз О.Е. (ред.) Основные вызовы демографической безопасности: сходства и различия в Молдове и Беларуси. Кишинев: Штиинца.
- Петри О.В., Аксенов К.Э., Крутиков С.А. (2012) Пригородные закрытые жилые комплексы Санкт-Петербурга: начало сегрегации или смена образа жизни? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «Геология, география». № 1. С. 86–98.
- Рыбаковский Л.Л. (ред.) (2003) Демографический понятийный словарь. М.: ЦСП.

- Симагин Ю.А. (1997) Экономико-географические аспекты субурбанизации в Московском столичном регионе: дис. ... к.г.н. : 11.00.02. М.: МГУ.
- Трейвиш А.И. (2014) «Дачеведение» как наука о втором доме на западе и в России // Известия РАН. Серия «География». № 4. С. 22–32.
- Трубина Е.Г. (2011) Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение.
- Цибульский В.Р., Мухамедшина Е.В. (2008) Пригородная экономика // Вестник Челябинского государственного университета. № 29. С. 52–63.
- Шибасева М.А. (2008) Определение экономически выгодной удаленности приобретаемого в пригороде жилья // Предпринимательство. № 6. С. 151–154.
- Щепеткова И.О. (2013) Дача: пригородная рекреация или физический труд // Географический вестник. № 3(26). С. 104–106.
- Benjamin S., Bhuvanewari R., Rajan P., Manjunath R. (2008) “Fractured” Terrain, Spaces Left Over, or Contested. A Closer Look at the IT-dominated Territories in East and South Bangalore // Inside the Transforming Urban Asia (ed. Mahadevia D.), New Delhi: Concept Publishing, pp. 239–285.
- Bray I. (2005) Social Space and Governance in Urban China. The Danwei System from Origins to Urban Reform. Stanford. CA: Stanford University Press.
- Browder J., Bohland J., Scarpacci J. (1995) Patterns of Development on the Metropolitan Fringe: Urban Fringe Expansion in Bangkok, Jakarta and Santiago // Journal of the American Planning Association, no 6(3), pp. 310–327.
- Caldwell M.L. (2011) Dacha Idylls: Living Organically in Russia’s Countryside. Berkeley; L.A.: University of California Press.
- Carr C.M.H., Whitehand J.W.R. (2001) Twentieth-Century Suburbs: a Morphological Approach (Planning, History and Environment Series). London: Routledge.
- Clapson M., Hutchison R. (2010) Introduction: Suburbanization in Global Society // Research in the Urban Sociology: Suburbanization in Global Society (eds. Clapson M., Hutchison R.), vol. 10, pp. 1–14.
- Davis M. (2006) Planet of Slums. London: Verso.
- Dennis E. (2008) Cairo between Traces and Liberal Re-foundation // The City in the Islamic World (ed. Jayyusi S.K.), Leiden: Brill, pp. 1085–1115.
- De Jong J.K. (2013) New SubUrbanisms. London: Routledge.
- Dines M., Vermeulen T. (eds.) (2013) New Suburban Stories. London: Bloomsbury Academic.
- Duany A., Plater-Zyberk E., Speck J. (2000) Suburban Nation: The Rise of Sprawl and the Decline of the American Dream. New York: North Point Press.
- Feng J., Zhou Y. (2005) Suburbanization and the Changes of Urban Internal Spatial Structure in Hangzhou, China // Urban Geography, no 26 (2), pp. 107–136.
- Feng J., Zhou. Y., Wu F. (2008) New Trends of Suburbanization in Beijing since 1990. From Government-led to Market-oriented // Regional Studies, no 42(1), pp. 83–99.
- Fishman R. (1987) Bourgeois Utopias: The Rise and Fall of Suburbia. New York: Basic Books.
- Fleischer F. (2010) Suburban Beijing: Housing and Consumption in Contemporary China. Minnesota: University of Minnesota Press.
- Ford L.A. (1996) New and Improved Model of Latin American city Structure // Geographical Review, no 86(3), pp. 437–440.
- Gallagher L. (2014) The End of the Suburbs: Where the American Dream Is Moving. New York: Portfolio.
- Ginsberg N., Koppel B., McGee T. (1991) The Extended Metropolis. Settlement Transition in Asia. Honolulu, HI: Hawaii University Press.
- Golubchikov O., Phelps N.A., Makhrova A. (2011) Khimki in Moscow City-region: From ‘Closed City’ to ‘Edge City’? // International Perspectives on Suburbanization. A Post-Suburban World? (eds. Phelps N.A., Wu F.), London: Palgrave Macmillan.
- Hanlon B., Short J.R., Vicino T.J. (2009) Cities and Suburbs: New Metropolitan Realities in the US. New York: Routledge.
- Harris R. (2010) Meaningful Types in a World of Suburbs // Research in the Urban Sociology: Suburbanization in Global Society, vol. 10, pp. 15–47.

- Harris R., Lewis R. (1998) Constructing a Fault(y) Zone: Misrepresentations of American Cities and Suburbs, 1900–1950 // *Annals of the Association of American Geographers*, no 88(4), pp. 622–639.
- Hayden D. (2004) *Building Suburbia: Green Fields and Urban Growth, 1820–2000*. New York: Vintage Books.
- Hirt S. (2012) *Iron Curtains: Gates, Suburbs and Privatization of Space in the Post-socialist City*. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Huang Y. (2005) From Work-unit Compound to Gated Communities. Housing Inequality and Residential Segregation in Transitional Beijing // *Restructuring the Chinese city. Changing Society, Economy and Space*. Eds. Ma L.J.C., Wu F. London: Routledge, pp. 192–221.
- Huchzermeyer M. (2004) *Unlawful Occupation. Informal Settlements and Urban Policy in South Africa and Brazil*. Trenton, NJ: Africa World Press.
- Jackson K.T. (1985) *Crabgrass Frontier: The Suburbanization of the United States*. Oxford: Oxford University Press.
- Janoschka M., Borsdorf A. (2006) Condominios Fechados and Barrios Privados: The Rise of Private Residential Neighbourhoods in Latin America // *Private Cities. Global and Local Perspectives* (eds. Glasze G., Webster C., Frantz K.), London: Routledge, pp. 92–108.
- Jurgens U., Landman K. (2006) Gated Communities in South Africa // *Private Cities. Global and Local Perspectives* (eds. Glasze G., Webster C., Frantz K.), London: Routledge, pp. 105–122.
- Keil R. (ed.) (2013) *Suburban Constellations. Governance, Land and Infrastructure in the 21st Century*. Berlin: Jovis Publishers.
- Leontidou L., Afouxenides A., Kourlioros E., Marmaras E. (2007) Infrastructure Related Urban Sprawl. Mega-events and Hybrid Peri-urban Landscapes in Southern Europe // *Urban Sprawl in Europe. Landscapes, Land-use Change and Policy* (eds. Couch C., Leontidou L., Petschel-Held G.), Oxford: Blackwell, pp. 71–101.
- Li Z., Wu F. (2008) Tenure-based Residential Segregation in Post-reform Chinese Cities. A Case Study of Shanghai // *Transactions of the Institute of British Geographers*, no 33, pp. 404–419.
- Losada H., Martinez J., Vieyra J., Pealing R., Zavala R., Cortes J. (1998) Urban Agriculture in the Metropolitan Zone of Mexico City. Changes over Time in Urban, Suburban and Peri-urban Areas // *Environment and Urbanization*, no 10(2), pp. 37–54.
- Mangin W. (1967) Latin American Squatter Settlements. A Problem and a Solution // *Latin American Research Review*, no 2(3), pp. 65–98.
- Murray M.J. (2008) *Taming the Apartheid City. The Spatial Landscape of Johannesburg after Apartheid*. Ithaca, New York: Cornell University Press.
- Neuwirth R. (2006) *Shadow Cities. A Billion Squatters. A New World*. New York: Routledge.
- Orfield M. (2002) *American Metropolitics: The New Suburban Reality*. Washington DC: Brookings Institution Press.
- Parnell S., Oldfield S. (eds.) (2014) *The Routledge Handbook on Cities of the Global South*, New York: Routledge.
- Phelps N.A., Wu F. (eds.) (2011) *International Perspectives on Suburbanization. A Post-Suburban World?* London: Palgrave Macmillan.
- Robinson J. (2002) Global and World Cities. A View from off the Map // *International Journal of Urban and Regional Research*, no 26(3), pp. 531–554.
- Robinson J. (2005) *Ordinary Cities. Between Modernity and Development*. London: Routledge.
- Rogler L. (1967) Slums Neighborhoods in Latin America // *Journal of Inter-American Studies*, no 9, pp. 507–528.
- Scheer B.C., Stanilov K. (eds.) (2005) *Suburban Form: An International Perspective*. New York: Routledge.
- Simon D. (2008) Urban Environments. Issues on the Peri-urban Fringe // *Annual Review of Environment and Resources*, no 33, pp. 167–185.
- Simon D., McGregor D., Nsiah-Gyabaah K. (2004) The Changing Rural-urban Interface of African Cities. Definitional Issues and an Application to Kumasi, Ghana // *Environment and Urbanization*, no 6(2), pp. 235–247.
- Sridhar K.S. (2007) Density Gradients and their Determinants. Evidence from India // *Regional Science and Urban Economics*, no 37(3), pp. 314–344.

-
- Stanilov K., Hirt S. (2009) Twenty Years of Transition. The Evolution of Urban Planning in Eastern Europe and the Former Soviet Union. 1989–2009. Nairobi: UN Habitat.
- Stanilov K., Sykora L. (eds.) (2014) *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe*. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Tsenkova S., Potsiou, C., Badina A. (2009) *Self-made Cities. Informal Settlements in the UNECE Region*. Geneva: United Nations Economic Commission for Europe.
- Wu F., Xu J., Yeh A.G.O. (2007) *Urban Development in Post-reform China. State, Market and Space*. London: Routledge.
- Wu W. (2005) Migrant Residential Distribution and Metropolitan Spatial Development in Shanghai // *Restructuring the Chinese City. Changing Society, Economy and Space* (eds. Ma L.J.C., Wu F.). London: Routledge, pp. 199–217.
- Wu W. (2006) Migrant intra-Urban Residential Mobility in Urban China // *Housing Studies*, no 21(5), pp. 745–765.
- Zhou Y., Logan. J.R. (2008) Growth on the Edge. The New Chinese Metropolis // *Urban China in Transition*. (ed. Logan J.R.). Oxford: Blackwell, pp. 140–160.
- Zhou Y., Ma J.C. (2000) Economic Restructuring and Suburbanization in China // *Urban Geography*, no 21, pp. 205–236.
-
-

Possible Modes of Suburbanization in Russia

A. BRESLAVSKY*

***Anatoly Breslavsky** – Research Fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Science. Address: 6, Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation. E-mail: anabres05@mail.ru

Citatin: Breslavsky A. (2016) Possible Modes of Suburbanization in Russia. *Mir Rossii*, vol. 25, no 1, pp. 79–102 (in Russian)

Abstract

This paper reviews the field of suburban studies in Russia and abroad. It shows that the geographical expansion of these studies beyond developed countries has emphasized the limited applicability of Anglo-American approaches and Western suburbanization theories. Following this argument the paper further assesses the state of suburbanization research in Russia. In particular, it shows that this research remains underdeveloped in spite of offering rich analytical prospectives.

The first part of the article discusses the diversity of suburbanization processes in the modern world, including the countries of the Global North (USA, UK and others), where suburbanization has had a long history, and developing countries of Latin America,

Africa and Asia, where the processes of suburbanization started to expand massively only in 1980–1990. Particular attention is paid to the processes of suburbanization in modern Russia, characterized by the rapid and massive development of suburban areas around major cities. By reviewing the studies conducted by Russian and international scholars, several basic models and directions of suburbanization in Russia and other post-Soviet countries, are outlined and compared with the processes of suburbanization in other regions of the world.

The second part of the article presents findings from research conducted in the suburbs Ulan-Ude, the capital of the Buryat Republic (Eastern Siberia). This case study shows that the formation of the suburban zone near Ulan-Ude was largely driven by rural migrants. Since most of them have low economic resources, this has emphasized the problems of poverty in the suburbs and the formation of squatter settlements. This bears certain resemblance with how suburbanization proceeds in many other developing countries of the modern world.

Keywords: city, suburbs, suburbanization, urban theory, internal migration, Russia

References

- Alekseenko A.N. (2011) Vnutrennie migratsii v Kazakhstane i formirovanie «novogo» gorodskogo prostranstva [Internal Migration in Kazakhstan and the Formation of ‘New’ Urban Space]. *Vostok Rossii: migratsii i diaspory v pereselencheskom obshchestve. Rubezhy XIX–XX i XX–XXI vekov* [East Russia: Migrations and Diasporas in the Migrant Community. The XIX–XX and XX–XXI Centuries] (ed. Dyatlov V.I.), Irkutsk: Ottisk.
- Aleshkovskii I.A. (2007) *Vnutrennyaya migratsiya v sovremennoi Rossii: tendentsii, determinanty, politika* [Internal Migration in Contemporary Russia: Trends, Determinants and Politics], Moscow: TEIS.
- Baburin V.L., Bityukova V.R., Kaz'min M.A., Makhrova A.G. (2003) *Moskovskii stolichnyi region na rubezhe vekov: noveishaya istoriya i puti razvitiya* [Moscow Metropolitan Area at the Turn of the Centuries: Modern History and Ways of Development], Smolensk: Oikumena.
- Batbayar T., Galiimaa N. (2010) Vnutrennyaya migratsiya: nyneshnee polozhenie i voznikshie problemy (na primere Ulan-Batora 1990–2008 gg.) [Internal Migration: the Current Situation and Problems (Ulaanbaatar, 1990–2008)]. *Aziatskaya Rossiya: migratsii, regiony i regionalizm v istoricheskoi dinamike* [Asian Russia: Migration, Regions and Regionalism in Historical Dynamics], Irkutsk: Ottisk, pp. 223–231.
- Belov A.V. (2005) *Moskva, moskovskie prigorody, prigorodnye poseleniya vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka: gorod i protsessy urbanizatsii sel'skikh okrain* [Moscow, Moscow Suburbs, Suburban Settlements in the Second Half of XIX – Early XX Century: the City and the Urbanization of Rural Suburbs], Moscow: Papirus Pro.
- Benjamin S., Bhuvaneshwari R., Rajan P., Manjunath R. (2008) “Fractured” Terrain, Spaces Left Over, or Contested. A Closer Look at the IT-dominated Territories in East and South Bangalore. *Inside the Transforming Urban Asia* (ed. Mahadevia D.), New Delhi: Concept Publishing, pp. 239–285.
- Brade I., Makhrova A.G., Nefedova T.G., Trejvish A.I. (2013) Osobennosti suburbanizatsii v moskovskoi aglomeratsii v postsovetskii period [Features of Suburbanization in the

- Moscow Agglomeration in the Post-Soviet Period]. *Izvestiya rossiiskoi akademii nauk*, series “Geography”, no 2, pp. 19–29.
- Bray I. (2005) *Social Space and Governance in Urban China. The Danwei System from Origins to Urban Reform*, Stanford, CA: Stanford University Press.
- Breslavsky A.S. (2014) *Nezaplanirovannye prigorody: sel'sko-gorodskaya migratsiya i rost Ulan-Ude v postsovetskii period* [Unplanned Suburbs: Rural-Urban Migration and the Growth of Ulan-Ude in the Post-Soviet Period], Ulan-Ude: Publishing House of BSC SB RAS.
- Browder J., Bohland J., Scarpacci J. (1995) Patterns of Development on the Metropolitan Fringe: Urban Fringe Expansion in Bangkok, Jakarta and Santiago. *Journal of the American Planning Association*, no 6(3), pp. 310–327.
- Caldwell M.L. (2011) *Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside*, Berkeley, L.A.: University of California Press.
- Carr C.M.H., Whitehand J.W.R. (2001) *Twentieth-Century Suburbs: a Morphological Approach (Planning, History and Environment Series)*, London: Routledge.
- Clapson M., Hutchison R. (2010) Introduction: Suburbanization in Global Society. *Research in the Urban Sociology: Suburbanization in Global Society* (eds. Clapson M., Hutchison R.), vol. 10, pp. 1–14.
- Davis M. (2006) *Planet of Slums*, London: Verso.
- Degtyarev D.S. (2012) Osnovnye ob'ekty prigorodnoi zony Tomsk vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv., ikh tipy i funktsii [Main Objects in the Tomsk Suburban Area in the Second Half of the XIXth – at the Beginning of the XXth]. *Izvestiya Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, series “Political science, religious studies”, no 1, pp. 100–107.
- De Jong J. K. (2013) *New SubUrbanisms*, London: Routledge.
- Dennis E. (2008) Cairo between Traces and Liberal Re-foundation. *The City in the Islamic World* (ed. Jayyusi S.K.), Leiden: Brill, pp. 1085–1115.
- Dines M., Vermeulen T. (eds.) (2013) *New Suburban Stories*, London: Bloomsbury Academic.
- Duany A., Plater-Zyberk E., Speck J. (2000) *Suburban Nation: The Rise of Sprawl and the Decline of the American Dream*, New York: North Point Press.
- Feng J., Zhou Y. (2005) Suburbanization and the Changes of Urban Internal Spatial Structure in Hangzhou, China. *Urban Geography*, no 26 (2), pp. 107–136.
- Feng J., Zhou Y., Wu F. (2008) New Trends of Suburbanization in Beijing since 1990. From Government-led to Market-oriented. *Regional Studies*, no 42(1), pp. 83–99.
- Fishman R. (1987) *Bourgeois Utopias: The Rise and Fall of Suburbia*, New York: Basic Books.
- Fleischer F. (2010) *Suburban Beijing: Housing and Consumption in Contemporary China*, Minnesota: University of Minnesota Press.
- Ford L.A. (1996) New and Improved Model of Latin American city Structure. *Geographical Review*, no 86(3), pp. 437–440.
- Gallagher L. (2014) *The End of the Suburbs: Where the American Dream Is Moving*, New York: Portfolio.
- Ginsberg N., Koppel B., McGee T. (1991) *The Extended Metropolis. Settlement Transition in Asia*, Honolulu, HI: Hawaii University Press.
- Golubchikov O., Phelps N.A., Makhrova A. (2011) Khimki in Moscow City-region: From ‘Closed City’ to ‘Edge City’? *International Perspectives on Suburbanization. A Post-Suburban World?* (eds. Phelps N.A., Wu F.), London: Palgrave Macmillan.
- Grigoriev K.V. (2013) *V teni bol'shogo goroda: sotsial'noe prostranstvo prigoroda* [In the Shadow of Big City: the Social Space of Suburbs], Irkutsk: Ottisk.
- Hanlon B., Short J.R., Vicino T.J. (2009) *Cities and Suburbs: New Metropolitan Realities in the US*, New York: Routledge.
- Harris R. (2010) Meaningful Types in a World of Suburbs. *Research in the Urban Sociology: Suburbanization in Global Society*, vol. 10, pp. 15–47.
- Harris R., Lewis R. (1998) Constructing a Fault(y) Zone: Misrepresentations of American Cities and Suburbs, 1900–1950. *Annals of the Association of American Geographers*, no 88(4), pp. 622–639.
- Hayden D. (2004) *Building Suburbia: Green Fields and Urban Growth, 1820–2000*, New York: Vintage Books.

- Hirt S. (2012) *Iron Curtains: Gates, Suburbs and Privatization of Space in the Post-socialist City*, Oxford: Wiley-Blackwell.
- Huang Y. (2005) From Work-unit Compound to Gated Communities. Housing Inequality and Residential Segregation in Transitional Beijing. *Restructuring the Chinese city. Changing Society, Economy and Space* (eds. Ma L.J.C., Wu F.), London: Routledge, pp. 192–221.
- Huchzermeyer M. (2004) *Unlawful Occupation. Informal Settlements and Urban Policy in South Africa and Brazil*, Trenton, NJ: Africa World Press.
- Jackson K.T. (1985) *Crabgrass Frontier: The Suburbanization of the United States*, Oxford: Oxford University Press.
- Janoschka M., Borsdorf A. (2006) Condominios Fechados and Barrios Privados: The Rise of Private Residential Neighbourhoods in Latin America. *Private Cities. Global and Local Perspectives* (eds. Glasze G., Webster C., Frantz K.), London: Routledge, pp. 92–108.
- Jurgens U., Landman K. (2006) Gated Communities in South Africa. *Private Cities. Global and Local Perspectives* (eds. Glasze G., Webster C., Frantz K.), London: Routledge, pp. 105–122.
- Keil R. (ed.) (2013) *Suburban Constellations. Governance, Land and Infrastructure in the 21st Century*, Berlin: Jovis Publishers.
- Kosmarskaya N.P. (2010) Issledovaniya goroda [Urban Studies]. *Antropologicheskii forum*, no 12, pp. 74–85.
- Leontidou L., Afouxenides A., Kourlioros E., Marmaras E. (2007) Infrastructure Related Urban Sprawl. Mega-events and Hybrid Peri-urban Landscapes in Southern Europe. *Urban Sprawl in Europe. Landscapes, Land-use Change and Policy* (eds. Couch C., Leontidou L., Petschel-Held G.), Oxford: Blackwell, pp. 71–101.
- Li Z., Wu F. (2008) Tenure-based Residential Segregation in Post-reform Chinese Cities. A Case Study of Shanghai. *Transactions of the Institute of British Geographers*, no 33, pp. 404–419.
- Losada H., Martinez J., Vieyra J., Pealing R., Zavala R., Cortes J. (1998) Urban Agriculture in the Metropolitan Zone of Mexico City. Changes over Time in Urban, Suburban and Peri-urban Areas. *Environment and Urbanization*, no 10(2), pp. 37–54.
- Lovell S. (2008) *Dachniki: Istoriya letnego zhil'ya v Rossii: 1710–2000* [Summerfolk: A History of 'Dacha's, 1710–2000], Saint Petersburg: Akademicheskii proekt; DNK.
- Malinova-Tziafeta O. (2013) *Iz goroda na dachu: sotsiokulturnye faktory osvoeniya dachnogo prostranstva vokrug Peterburga (1860–1914)* [From City to the Countryside: Sociocultural Factors of Suburban Development near St. Petersburg (1860–1914)], Saint-Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg.
- Mangin W. (1967) Latin American Squatter Settlements. A Problem and a Solution. *Latin American Research Review*, no 2(3), pp. 65–98.
- Medvedeva L.N. (2011) Prigorodnaya zona kak odna iz form sotsial'no-ekonomicheskogo i territorial'nogo rasseleniya gorozhan: aktual'nost' i znachenie [Suburban Areas as a Form of Socio-Economic and Spatial Allocation of Urban Dwellers: Relevance and Importance]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, vol. 150, no 3, pp. 139–148.
- Migration in Modern Kyrgyzstan (2011). *Demoskop Weekly*, no 481–482. Available at: http://demoscope.ru/weekly/2011/0481/s_map.php#1, accessed 20 October 2015.
- Mikheeva Z.A. (2012) *Suburbanizatsiya kak instrument resheniya zhilishhnoi problemy Sankt-Peterburga i Leningradskoi oblasti* [Suburbanization as a Tool for Solving the Housing Problem in St. Petersburg and Leningrad Region]: dis... k.g.n.: 25.00.24, Saint Petersburg: SPBGU.
- Mkrtchyan N.V. (2009) Vnutrennyaya migratsiya: velikoe proshloe i skromnoe budushchee [Internal Migration: the Great Past and the Modest Future]. *Rossiya pered litsom demograficheskikh vyzovov. Doklad o razvitií chelovecheskogo potentsiala v Rossiiskoi Federatsii-2008* [Russia Facing Demographic Challenges. National Human Development Report – 2008], Moscow: UNDP, pp. 80–96.
- Mkrtchyan N.V. (2013) Vnutrennyaya migratsiya v Rossii [Internal Migration in Russia]. *Migratsiya v Rossii 2000–2012. Khrestomatiya v 3 tomakh. Tom 1: Migratsionnye protsessy i aktual'nye voprosy migratsii* [Migration in Russia, 2000–2012. Anthology. Vol. 1–3. Vol. 1. Migration Processes and Actual Issues of Migration] (ed. Zaionchkovskaya Zh.A.), Moscow: Spetskniga, pp. 589–601.

- Murav'ev A.A., Pozmogova S.B. (2012) Perspektivy razvitiya goroda Ul'yanovska v processe perekhoda ot urbanizatsii k suburbanizatsii [Perspectives of Development of Ul'yanovsk in the Transition from Urbanization to Suburbanisation]. *Vestnik Ul'yanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, no 3(59), pp. 56–59.
- Murray M.J. (2008) *Taming the Apartheid City. The Spatial Landscape of Johannesburg after Apartheid Ithaca*, New York: Cornell University Press.
- Nefedova N.G. (2001) Rossiiskie prigorody. Gorozhane v sel'skoi mestnosti [Russian Suburbs. Urban Citizens in Rural Areas]. *Gorod i derevnya v Evropeiskoi Rossii: sto let peremen (Pamyati Veniamina Petrovicha Semenova-Tyan-Shanskogo)* [City and Village in European Russia: One Hundred Years of Change (In Memory of Veniamin Petrovich Semenov-Tyan-Shanskii)], Moscow: OGI, pp. 374–399.
- Nefedova N.G. (2008) Rossiiskaya glubinka glazami ee obitatelei [The Russian Remote Countryside through the Eyes of its Inhabitants]. *Ugorskii proekt: ekologiya i lyudi blizhnego Severa* [The Ugory Project: the Ecology and People in the Near North] (ed. Pokrovskii N.E.), Moscow: The community of professional sociologists, pp. 98–120.
- Nefedova T.G. (2009) Poliarizatsiya prostranstva Rossii: arealy rosta i «chernye dyry» [Polarization of Russian Space: the Areas of Growth and the 'Black Holes']. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii*, no 1, pp. 62–77.
- Nefedova N.G. (2011) Rossiiskie dachi kak sotsial'nyi fenomen [Russian 'Dacha' as a Social Phenomenon]. *SPERO. Sotsial'naya politika: ekspertiza, rekomendatsii, obzory*, no 15, pp. 161–173.
- Nefedova N.G. (2012) Gorozhane i dachi [Urban Citizens and Their 'Dacha's in the Countryside]. *Otechestvennye zapiski*, no 3, pp. 204–216.
- Nefedova T.G., Savchuk I. (2014) Vtoroe zagorodnoe zhil'e gorozhan v Rossii i Ukraine [Second Exurban Residences of Urban Citizens in Russia and Ukraine]. *Izvestiya rossiiskoi akademii nauk*, series "Geography", no 4, pp. 39–47.
- Neuwirth R. (2006) *Shadow Cities. A Billion Squatters. A New World*, New York: Routledge.
- Orfield M. (2002) *American Metropolitics: The New Suburban Reality*, Washington DC: Brookings Institution Press.
- Parnell S., Oldfield S. (eds.) (2014) *The Routledge Handbook on Cities of the Global South*, New York: Routledge.
- Petrakova Yu.N. (2010) Migratsiya v Belarusi [Migration in Belarus]. *Osnovnye vyzovy demograficheskoi bezopasnosti: skhodstva i razlichiya v Moldove i Belarusi* [The Main Challenges of Demographic Security: Similarities and Differences in Moldova and Belarus] (eds. Paladi G.A., Shakhot'ko L.P., Gagauz O.E.), Kishinev: Shtiinca.
- Petri O.V., Aksenov K.E., Krutikov S.A. (2012) Prigorodnye zakrytye zhilye komplekсы Sankt-Peterburga: nachalo segregatsii ili smena obraza zhizni? [Guarded Residential Communities Within and Around Saint Petersburg: the Beginning of Total Segregation or Just a New Life-Style?]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, series "Geology, geography", no 1, pp. 86–98.
- Phelps N.A., Wu F. (eds.) (2011) *International Perspectives on Suburbanization. A Post-Suburban World?*, London: Palgrave Macmillan.
- Robinson J. (2002) Global and World Cities. A View from off the Map. *International Journal of Urban and Regional Research*, no 26(3), pp. 531–554.
- Robinson J. (2005) *Ordinary Cities. Between Modernity and Development*, London: Routledge.
- Rogler L. (1967) Slums Neighborhoods in Latin America. *Journal of Inter-American Studies*, no 9, pp. 507–528.
- Rybakovskii L.L. (ed.) (2003) *Demograficheskii ponyatiinyi slovar'* [Dictionary of Concepts in Demography], Moscow: TsSP.
- Scheer B.C., Stanilov K. (eds.) (2005) *Suburban Form: An International Perspective Paperback*, New York: Routledge.
- Shchepetkova I.O. (2013) Dacha: prigorodnaya rekreatsiya ili fizicheskii trud ['Dacha': Suburban Resorts or Physical Labor]. *Geograficheskii vestnik*, no 3(26), pp. 104–106.
- Shibaeva M.A. (2008) Opredelenie ekonomicheskoi vygodnoi udalennosti priobretaemogo v prigorode zhil'ya [Estimating the Economic Efficiency of Purchasing Real Estate in the Suburbs]. *Predprinimatel'stvo*, no 6, pp. 151–154.

- Simagin Yu.A. (1997) *Ekonomiko-geograficheskie aspekty suburbanizatsii v Moskovskom stolichnom regione* [Economic and Geographical Aspects of Suburbanization in the Moscow Metropolitan Area]: dis. ... k.g.n.: 11.00.02, Moscow: MGU.
- Simon D. (2008) Urban Environments. Issues on the Peri-urban Fringe. *Annual Review of Environment and Resources*, no 33, pp. 167–185.
- Simon D., McGregor D., Nsiah-Gyabaah K. (2004) The Changing Rural-urban Interface of African Cities. Definitional Issues and an Application to Kumasi, Ghana. *Environment and Urbanization*, no 6(2), pp. 235–247.
- Sridhar K.S. (2007) Density Gradients and their Determinants. Evidence from India. *Regional Science and Urban Economics*, no 37(3), pp. 314–344.
- Stanilov K., Hirt S. (2009) *Twenty Years of Transition. The Evolution of Urban Planning in Eastern Europe and the Former Soviet Union. 1989–2009*, Nairobi: UN Habitat.
- Stanilov K., Sykora L. (eds.) (2014) *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe*, Oxford: Wiley-Blackwell.
- Treyvish A.I. (2014) «Dachevedenie» kak nauka o vtrom dome na zapade i v Rossii [Studies of Second Residence in the West and in Russia]. *Izvestiya rossiiskoi akademii nauk*, series “Geography”, no 4, pp. 22–32.
- Trubina E.G. (2011) *Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva* [City through the Lens of Theory: Exercises in Thinking about Space], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Tsenkova S., Potsiou, C., Badina A. (2009) *Self-made Cities. Informal Settlements in the UNECE Region*, Geneva: United Nations Economic Commission for Europe.
- Tsibul'skii V.R., Mukhamedshina E.V. (2008) Prigorodnaya ekonomika [Suburban Economy]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 29, pp. 52–63.
- Vagin V.V. (2000) Rossiiskie goroda: novye podkhody k izucheniyu. Vmesto predisloviya [Russian Cities: New Research Approaches]. *Rossiiskoe gorodskoe prostranstvo: popytka osmysleniya* [Russian Urban Space: in Search for Understanding], series “Science Reports”, (ed. Vagin V.V.), Moscow: MONF, vol. 116, pp. 4–12.
- Wu F., Xu J., Yeh A.G.O. (2007) *Urban Development in Post-reform China. State, Market and Space*, London: Routledge.
- Wu W. (2005) Migrant Residential Distribution and Metropolitan Spatial Development in Shanghai. *Restructuring the Chinese City. Changing Society, Economy and Space* (eds. Ma L.J.C., Wu F.), London: Routledge, pp. 199–217.
- Wu W. (2006) Migrant intra-Urban Residential Mobility in Urban China. *Housing Studies*, no 21(5), pp. 745–765.
- Zhou Y., Logan. J.R. (2008) Growth on the Edge. *Urban China in Transition* (ed. Logan J.R.), Oxford: Blackwell, pp. 140–160.
- Zhou Y., Ma J.C. (2000) Economic Restructuring and Suburbanization in China. *Urban Geography*, no 21, pp. 205–236.
- Zvyagintsev V. I., Neuvazhaeva M. A. (2015) Pereselentsy iz goroda v sel'skuyu mestnost': fenomen «obratnoi migratsii» v sovremennoi Rossii [Migration from Urban to Rural Areas: the Phenomenon of ‘Counter-urbanisation’ in Modern Russia]. *Mir Rossii*, vol. 24, no 1, pp. 101–135.